

ПОЛИТИЯ

Р.Ф.Туровский

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ГЕОСТРУКТУРЫ В ЗАПАДНЫХ ДЕМОКРАТИЯХ: ПОПЫТКА СИСТЕМНОГО КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА¹

**Концептуальные
основы
географического
моделирования
и факторного
анализа выборов**

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №03-06-80087.

² Материалом для проведенного анализа стали результаты выборов в региональном разрезе, собранные автором по следующим странам: Австралия (парламентские выборы 1998 и 2001 гг.), Австрия (парламентские выборы 1999 и 2002 гг.), Андорра (парламентские выборы 2001 г.), Бельгия (парламентские выборы 1999 и 2003 гг.), Великобритания (парламентские выборы 2001 г.), Германия (парламентские выборы 1998 и 2002 гг.), Греция (парламентские выборы 1996 и 2000 гг.), Дания (парламентские выборы 2001 г.), Ирландия (парламентские выборы 1997 и 2002 гг.),

Предметом исследования в данной статье является сравнительный анализ электоральных геоструктур (электоральных карт) различных стран мира². Особого внимания заслуживают территориальные особенности голосований в странах, которые можно отнести к ряду западных демократий, где имеется большой опыт проведения демократических выборов, сложились более или менее устойчивые партийные системы и соответствующие им региональные предпочтения избирателей. На основе такого анализа в перспективе можно выстроить общую теорию, описывающую географические закономерности голосований и определяющую основные территориальные модели (Taylor, Johnston, 1979).

Сразу же следует заметить, что электоральные геоструктуры по своей сложности безусловно коррелируют со сложностью и структурой партийных систем в том или ином государстве. Наиболее простые геоструктуры характерны, естественно, для стран с двухпартийной системой, где партийный раскол превращается в своей территориальной проекции в географический раскол. В европейских странах и некоторых других западных демократиях в той или иной степени проявляется полицентризм, как партийный, так и, следовательно, географический. Наряду с типичной географией голосования за консерваторов и социал-демократов (или социалистов), выступающих чаще всего основными полюсами партийной системы, появляется география голосования за либеральные партии, коммунистов или других левых радикалов, ультраправых националистов, зеленых, а в некоторых странах еще и за христианско-демократические партии (как в Скандинавии, где они существуют отдельно от правоконсервативных) и партии, ориентированные на аграрный сектор (та же Северная Европа).

Таким образом, компаративный анализ географии голосований должен проводиться с поправкой на структурные особенности национальных партийных систем, которые могут отличаться разной степенью полноты и идеологических смещений в предпочтениях избирателей в сравнении с другими странами. Это усложняет электорально-географическое моделирование и процесс создания общей теории электоральных геоструктур и в то же время позволяет определить более точные закономерности.

Исландия (парламентские выборы 1999 и 2003 гг.), Испания (парламентские выборы 1996 и 2000 гг.), Италия (парламентские выборы 1996 и 2001 гг.), Канада (парламентские выборы 2000 г.), Кипр (парламентские выборы 2001 и 2003 гг.), президентские выборы 2003 г.), Люксембург (парламентские выборы 1999 г.), Мальта (парламентские выборы 1998 и 2003 гг.), Нидерланды (парламентские выборы 2002 и 2003 гг.), Новая Зеландия (парламентские выборы 1999 и 2002 гг.), Норвегия (парламентские выборы 2001 г.), Португалия (парламентские выборы 1999 г., президентские выборы 2001 г.), США (президентские выборы 1988, 1992, 1996 и 2000 гг., парламентские выборы 2002 г.), Финляндия (парламентские выборы 2003 г.), Франция (парламентские выборы 1997 и 2002 гг., президентские выборы 2002 г.), Швейцария (парламентские выборы 1999 г.), Швеция (парламентские выборы 2002 г.).

Географический метод электорального анализа имеет две взаимосвязанные составляющие – построение географических моделей избирательного процесса и факторный анализ географических закономерностей голосований.

Весьма продуктивной моделью, позволяющей анализировать географию голосований, является модель «центр – периферия». Использование этой модели основывается на представлении о трехмерном характере географического пространства в любом государстве (как и на любой территории). Суть моделирования заключается в рассмотрении территории в качестве системы центров и периферий по вертикали и геокультурных ареалов по горизонтали, с определением соответствующих отдельным элементам этой системы типов голосования. При этом система центров и периферий в основе своей идентична в каждом государстве, и потому с ее помощью легче всего сравнивать электоральные карты разных стран (хотя центры разных стран могут иметь в глобальной системе «центр – периферия» очень разный статус). Напротив, геокультурные системы уникальны, и выстроить их по одному шаблону практически невозможно. Поэтому анализ геокультурного измерения выборов проводится для каждого государства в соответствии с его реальным делением.

Двухмерная плоскость государства представляет собой его геокультурную карту с характерными для нее этническими, конфессиональными, субэтническими и иными ареалами и расколами (границами). С исследованиями этой «плоскости» связан наиболее традиционный метод электоральной географии – метод расколов. Этот метод основан на поиске противостоящих друг другу территориальных групп с противоположными типами электорального поведения.

Приведем в качестве примера цепочку рассуждений С.Роккана, которая может считаться эталонной для электорально-географического исследования этого типа (Rokkan, 1970; Taylor, 1989). Этот автор выделяет два фундаментальных процесса модернизации в Европе – национальную революцию, которая началась во Франции, и промышленную революцию, которая началась в Великобритании. Эти революции, по его мнению, спровоцировали четыре базовых конфликта: субъекта модернизации с доминирующей традиционной культурой, церкви с государством, промышленности с сельским хозяйством, капитала с рабочей силой. Результатом стало формирование традиционных для Европы партийных систем.

С.Роккан выделяет в Норвегии восемь электоральных расколов, каждый из которых имеет географическое выражение. Один раскол отделяет северную периферию страны, которая голосует преимущественно за Норвежскую рабочую партию социал-демократического толка (НРП), от юго-восточного ядра, где наибольшими симпатиями избирателей пользуется консервативная партия Хейре. Второй раскол противопоставляет юго-западную периферию страны (где голосуют за либеральную партию Венстре и Христианскую народную партию)

и юго-восточное ядро (сторонники Хейре). Остальные расколы носят скорее социокультурный характер, но все они неплохо выражены на территории. Третий раскол проходит между городом (сторонники Хейре) и селом (аграрная Партия центра). Четвертый раскол разделяет носителей диалектов буксмол (Венстре) и нюноршк (Хейре). Существовало исторически сложившееся противостояние сторонников сухого закона (Христианская народная партия) и его противников (Хейре). Имеется также раскол между сторонниками традиционной национальной церкви (Хейре) и «раскольниками» (Христианская народная партия). Седьмой раскол связан с конфликтом землевладельцев (Партия центра) с сельскими наемными рабочими (НРП). Аналогичный раскол имеет место в городе: городские рабочие голосуют за НРП, а промышленники за Хейре.

Система расколов существует в любом государстве. С ее помощью возможна интерпретация географии голосований. Действительно, зная, на какие социокультурные группы опирается та или иная партия, можно объяснить результаты голосования в определенном районе. Зная о преобладании там определенной группы можно дать прогноз. Или, наоборот, выявление районов преимущественного голосования за определенную партию позволяет предположить наличие определенных социокультурных характеристик населения этих районов.

Исследование корреляции геокультурной неоднородности электорального пространства с электоральными различиями может рассматриваться и в контексте факторного анализа. В этом случае мы говорим об этнокультурных факторах, связывающих соответствующие характеристики территории и ее населения с типом голосования. Этнокультурные факторы сопряжены с этнической, субэтнической, лингвистической, конфессиональной, историко-географической дифференциацией территории и населения.

Третье измерение геоэлекторального пространства – вертикальное связано с иерархическим устройством пространства, в котором каждый объект, имея определенные геокультурные характеристики, одновременно позиционируется в системе отношений «центр – периферия». Анализ этого измерения присутствует и в модели С.Роккана, когда он, например, говорит об электоральном противостоянии города и села. В системе «центр – периферия» объект может являться столицей государства, т. е. быть центром первого порядка, представлять собой центр второго или третьего порядка, располагаться на периферии и т. п.

Иерархическое, «объемное» и динамичное строение географического пространства интерпретируется с помощью одной из наиболее эффективных географических моделей – «центр – периферия». Эта модель рассматривает любой социальный процесс в его территориальной динамике, отслеживая возникновение и распространение новых явлений – инноваций. На этой основе создается представление о

поляризации пространства, которая предполагает выделение генерирующих инновационных центров и периферий, осваивающих или отторгающих инновации (Грицай, Иоффе, Трейвиш, 1991). Таким образом, в географическом пространстве возникают и постоянно воспроизводятся иерархические субъект-объектные отношения между центрами (ядрами) и перифериями.

При этом идентификация центра (ядра) существенно проще, чем анализ дифференциации и стратификации всегда обширной периферии. Важно, чтобы центр постоянно воспроизводил свои функции, т. е. в нем происходила бы непрерывная качественная трансформация, позволяющая ему оставаться ядром продуцирования инноваций (Friedmann, 1966). Подчеркнем, что центр как пространственное явление представляет собой не единичный географический объект, а множество, россыпь центров, объединяемых общностью функций.

Сложность и неоднородность периферийного поведения заставляет исследователей делить периферию на ближнюю, которая попадает под влияние центра, и дальнюю, которая живет сама по себе (Friedmann, 1966). Некоторые исследователи предлагают деление регионов на креативные, адаптивные и консервативные (Грицай, Иоффе, Трейвиш, 1991). Первые служат источником инноваций (аналог центра), вторые их воспринимают (аналог ближней периферии), а третьи придерживаются традиции, т. е. бывшей инновационной системы, прекратившей свое развитие (аналог дальней периферии)³. Кроме того, в геоисторических и геоэкономических исследованиях И. Валлерстайна специально выделяется полупериферия как особый средний слой между ядром и периферией, сочетающий креативные и адаптивные функции (Taylor, 1989; Wallerstein, 1991).

По С.Роккану расчленение условно единого, гомогенного пространства идет по трем направлениям – военно-административному, экономическому и культурному. В результате в пространстве постоянно происходят такие процессы, как фрагментация (членение на единицы, составные части с устойчивыми и плавающими границами), расширение и сжатие фрагментов, реорганизация территориальной структуры с изменением внутренних границ (Rokkan, 1975; Rokkan, 1980; Rokkan, 1983). Система отношений «центр – периферия» описывает вертикальное строение территории, т. е. ее иерархичность и поляризацию. В исследовательских целях имеет смысл объединить административную и экономическую иерархию пространства в единую гео-политико-экономическую структуру, описывающую отношения «центр – периферия» в наиболее общем виде.

При географическом анализе выборов этот подход позволяет снять проблему региональной мозаичности и рассматривать страну в максимально детальном и одновременно генерализованном виде, как систему локализованных территориальных сообществ, занимающих различное положение в рельефе «вертикальных» отношений «центр – периферия». С точки зрения факторного анализа можно говорить о

³ Консервативную дальнюю периферию можно рассматривать и как источник не-адаптации, т. е. отторжения как особой формы реакции на инновацию.

таким важнейшем и характерном для любой страны факторе, как статус места, который влияет на тип голосования.

Критериями синтетической оценки «центральности» и «периферийности» мест могут быть следующие параметры:

- административный статус, позиционирование в политико-административной иерархии (например, столица государства, региональный административный центр и далее вниз по ступенькам административно-территориального деления);
- уровень социально-экономического развития («прогрессивность» экономики, ее соответствие индустриальным и постиндустриальным параметрам);
- интенсивность и уровень коммуникационных связей (узловое или периферийное положение в транспортных и информационных системах разного иерархического уровня).

Синтетическая оценка мест по всем этим параметрам позволяет определить их позиционирование в общей системе «центр – периферия».

Модель «центр – периферия» становится действительно полезной для изучения электоральных геоструктур, если связать ее с концепцией диффузии инноваций Т.Хегерстранда. Эта концепция в электоральном анализе имеет огромную операциональную ценность, поскольку позволяет рассматривать политические идеи (и их носителей) в качестве инноваций, которые зарождаются в определенных инновационных центрах и далее распространяются в той или иной степени в направлении периферии. Структурно любая партийная система может анализироваться с точки зрения инновационности или традиционности тех или иных взглядов в контексте мировой истории или частной истории данного государства. То же самое характерно и для геоструктуры, в которой в самом первом и грубом приближении выделяются инновационные центры и консервативные периферии. Пространственная система обязательно развивается вместе с диффузионными процессами.

Т.Хегерстранд и его последователи выделяют несколько типов диффузии инноваций (Hägerstrand, 1962; 1967). Во-первых, существует «сплошная» диффузия (contagious diffusion). В этом случае речь идет о непрерывном распространении явления, занимающего, таким образом, все большее и большее пространство. Во-вторых, выделяется иерархическая, или каскадная, диффузия. В этом случае распространение явления идет от центра к центру, постепенно, и явление, таким образом, занимает далеко не всю территорию. Как правило, на начальном этапе появляются центры первого порядка, которые становятся источниками инноваций. От них явление распространяется к более многочисленным центрам второго порядка, затем – к центрам третьего порядка. Пространство же между центрами заполняется постепенно, если заполняется вообще. Еще один тип диффузии инноваций – диффузия через перемещение (relocation diffusion). Она происхо-

дит в том случае, если политическая характеристика перемещается, полностью мигрирует из одного региона в другой.

Диффузия инноваций может отличаться не только географическими, но и содержательными особенностями. Выше речь шла в основном о прямой диффузии, когда явление переносится на новую территорию. Но исследователи также выделяют косвенную или стимулирующую диффузию (*stimulus diffusion*). В этом случае территория и связанная с ней культурная группа не принимает явление, однако его появление влечет за собой определенные изменения в доминирующей культуре. Таким образом, диффузия инноваций стимулирует собственный процесс на определенной территории. Этот процесс может быть и негативной реакцией на инновацию, способствующей укреплению традиционной культуры («негативная» диффузия, усиление поляризации в пространственной системе), и трансформацией местной электоральной культуры с определенным «перевариванием» инновации.

Итак, при анализе диффузии инноваций не следует просто фиксировать распространение конкретного явления, поскольку диффузия инноваций не является механическим процессом прямого переноса. Нужно также отслеживать варианты реакции среды, которые не сводятся к одной лишь простой ассимиляции или даже стимулированной извне частичной трансформации местной электоральной культуры. Реакция отторжения с «симметричным» ответом на вызов внешнего мира, например, созданием новой местной партии – тоже один из возможных процессов диффузии.

Исследование пространственной динамики оперирует не только направлениями и типами диффузии, но еще целым рядом понятий и концепций. Например, это концепция барьеров, стоящих на пути диффузии. Выделяются несколько типов барьеров:

- абсорбирующие барьеры полностью впитывают явление и препятствуют его дальнейшему распространению;
- прерывающие барьеры представляют собой физические препятствия для диффузии (моря, пустыни, горные хребты);
- проницаемые барьеры, которые отфильтровывают поток, частично пропуская его содержимое на новую территорию.

Концепция Т.Хегерстранда нередко подвергалась критике за механистический подход. Действительно, она скорее изображает процесс, нежели его объясняет. На наш взгляд электорально-географическое исследование должно анализировать партийно-идеологический контекст диффузии.

В то же время, являясь отправной точкой в исследовании, модель «центр – периферия» не может быть единственным подходом к изучению электоральной геоструктуры. Как уже говорилось, любой объект в пространстве имеет определенную геокультурную принадлежность, наряду с расположением в иерархии центров и периферий. Поэтому необходимо рассматривать влияние геокультурных раско-

лов на географию голосований, особенно в полиэтнических странах и государствах с высокой степенью регионального дробления нации.

Наконец, на плоскости, помимо геокультурной, существует «параллельная» система координат. Это – социально-географическая карта страны, с которой связаны социогеографические расколы, противоречия между более богатыми и бедными районами. Эта карта во многом является проекцией отношений «центр – периферия», поскольку инновационные центры как правило являются более благополучными территориями. Однако в отдельных случаях, для придания анализу большей точности требуется ее специальное рассмотрение. В контексте факторного анализа речь идет о влиянии на тип голосования социально-экономических факторов. Распространенным методом служит корреляционный анализ, позволяющий оценить зависимость голосования за ту или иную политическую силу от квантифицируемых социально-экономических и демографических параметров.

Корректирующее влияние на географическую модель голосования оказывают специфические факторы, которые могут изменять уровень поддержки тех или иных политических сил. Например, эффект друзей и соседей (или голосование за кандидата), проблемное голосование, эффект избирательной кампании и эффект соседства (Taylor, 1989).

**Центральные
и полуперифе-
рийные
геоструктуры**

В нашем исследовании мы будем рассматривать идеально-типические электорально-географические системы. В каждой стране существует своя иерархическая система центров и периферий. При этом в науке пока, к сожалению, нет четких, математически выверенных критериев отнесения географического объекта к центру того или иного порядка, полупериферии или же периферии того или иного типа. Возможна ситуация, когда административная столица государства не может считаться инновационным центром первого порядка, а в американской модели столичности это и не предполагается. Кроме того, надо иметь в виду, что в рамках глобальной системы инновационные центры одних государств могут выглядеть вполне периферийными по сравнению с другими (поскольку в глобальной системе существует своя градация центров, полупериферий и периферий). В этой связи уместно говорить о центрах и перифериях в отдельно взятых системах координат тех или иных государств, а отнесение территории к центру или периферии будет достаточно условным, основанным на внешних признаках инновационной активности, промышленного или постиндустриального развития, административной столичности и т. п. Поэтому мы не будем отделять центры от следующих за ними в иерархии полупериферий, поскольку в этом нет необходимости. Речь идет о более или менее единой системе креативных и адаптивных регионов, связанных диффузией одних и тех же инноваций, и отличных от консервативной периферии.

В качестве первой гипотезы следует связать голосование за более правые и консервативные партии с периферией, а голосование за их оппонентов – с инновационными центрами. В этом есть ясная политико-историческая логика, поскольку политические партии левого и либерального толка возникали и развивались в качестве политических инноваций. Логично, если голосование за них будет связано с инновационными центрами государств.

Наиболее простым случаем здесь являются США, хотя их партийная система отличается определенным смещением. Демократическую партию, конечно, нельзя считать левой по аналогии с европейскими социал-демократами. В то же время в американской системе координат она является условно «левой» в сравнении с отчетливо правым полюсом в лице республиканцев.

Анализ географии голосований за демократов в США позволяет определить *биполярную американскую модель электоральной геоструктуры*, в которой инновационные центры голосуют за более либеральные политические силы, а периферия отличается консерватизмом. Это показывает анализ всех последних президентских кампаний в США (особенно кампании 2000 г.), а также результатов парламентских выборов в разрезе штатов⁴. Американская модель может рассматриваться в качестве основной модели анализа электоральных геоструктур в контексте отношений «центр – периферия».

На президентских выборах 2000 г. в США четко оформился Северо-Восток как зона преимущественной поддержки демократов (в лице кандидата в президенты А.Гора). Речь идет о целой инновационной полосе атлантического побережья, протянувшейся от Бостона до Вашингтона с захватом, естественно, Нью-Йорка, креативного центра мирового значения. Эта полоса стала зоной сплошной диффузии инноваций: во всех штатах А.Гор получил более 55% голосов (Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Делавэр, Мэриленд, округ Колумбия). Интересно, что столичный округ отличается сверхвысокими и вообще нетипичными для США, где амплитуды разброса голосований между штатами все же не столь велики, результатами голосования за демократов. Все демократические кандидаты на последних выборах стабильно получали здесь около 85% голосов (М.Дукакис в 1988 г., Б.Клинтон в 1992 и 1996 гг., А.Гор в 2000 г.). Для сравнения в наиболее благоприятном для А.Гора Род-Айленде он получил 61% голосов и это по американским меркам очень много. Это феномен определяется, впрочем, не только особой инновационностью Вашингтона, но и геокультурным фактором: непосредственно в городском населении преобладают афроамериканцы, по понятным причинам голосующие почти исключительно за демократов.

В целом же инновационный статус территории, уровень ее столичности отлично коррелируют с голосованием за Демократическую партию. Это показывает дальнейший и более тонкий анализ. Так, по-

⁴ Анализ президентских выборов в американском случае позволяет точнее анализировать региональные электоральные культуры. Парламентские выборы в США проводятся, как известно, по мажоритарной системе, и количество парламентариев от одной или другой партии, представляющих тот или иной штат, не является точной характеристикой соотношения сил в регионе. Процентные показатели голосования за кандидатов в президенты являются гораздо более точной характеристикой.

чти 55% голосов А.Гор получает в штате Иллинойс, где расположен Чикаго. На северо-востоке США чуть благоприятнее для демократов такие штаты, как Мичиган (влияние Детройта) и Пенсильвания (старопромышленный Питтсбург и близость к прибрежной продемократической полосе). Напротив, из этого ряда на северо-востоке выпадает довольно правая Индиана, чуть более правый в сравнении со средним уровнем Огайо, а также мелкие северо-восточные штаты, составляющие несколько более консервативное окружение «инновационных» продемократических штатов (Мэн, Нью-Гэмпшир, а также Западная Вирджиния, позиционирующаяся ближе к консервативному югу)⁵.

⁵ В то же время небольшой Вермонт оказывается более благоприятным для демократов в сравнении с соседними Нью-Гэмпширом и Мэном и больше напоминает в этом плане крупную Пенсильванию.

Также можно говорить о формировании второй группы инновационных центров с хорошо выраженным (но не всегда доминирующим) голосованием за демократов. Это – тихоокеанское побережье США, симметричное атлантическому. Его инновационные центры стали таковыми по принципу каскадной диффузии и диффузии через перемещение, т. е. в процессе освоения и развития территории. Однако сами штаты здесь как правило крупные и сложные по своей внутренней структуре, а потому в целом по результатам голосований они выглядят неустойчивыми и колеблющимися. И все же к демократам стала больше склоняться неустойчивая Калифорния, где А.Гор получил 53,4% голосов (в 1988 г. М.Дукакис в Калифорнии проиграл Дж.Бушу-старшему). Что касается выборов в Конгресс, то демократы занимают 33 из 53 мест от этого штата. Происходит это за счет голосования в креативных центрах: Лос-Анджелесе, Сан-Франциско и др. В штате Вашингтон ситуацию в пользу демократов немного выправляет Сиэтл, и такие примеры можно продолжать. Вообще на президентских выборах 2000 г. в прибрежных тихоокеанских штатах Вашингтон и Орегон А.Гор тоже пусть немного, но опередил Дж.Бушамладшего. В целом для США характерна закономерность, когда штаты, в составе которых имеются мощные центры первого уровня, голосуют за демократов немного активнее, чем их более периферийные соседи (например, Джорджия на Юге, Колорадо в консервативной горно-степной части страны и др.).

В странах с более сложными партийными системами прослеживается подобная тенденция. Соседняя с США Канада отличается доминированием Либеральной партии. Форпостом либералов является крупнейшая провинция Онтарио, которую можно считать инновационным ядром страны (в ее составе находится Торонто и др.). К голосованию за либералов склоняется и соседний Монреаль, однако показатели по Квебеку в целом оказываются принципиально иными, чем в Онтарио, что связано с голосованием многих франкофонов за местный Квебекский блок. В то же время для Канады свойственен географический раскол «Запад – Восток», который сглажен в США, и потому инновационные центры, тяготеющие к тихоокеанскому побережью, за либералов голосуют мало.

Очевидно, что европейские либеральные партии пользуются наибольшей популярностью в столицах и иных крупных центрах соответствующих государств. Ярче всего географическая тенденция выражена в Бельгии, где либералы⁶ являются одной из ведущих партий (на выборах 2003 г. они немного уступили социалистам и уверенно опередили консерваторов). Главным форпостом либералов является креативный центр европейского уровня – Брюссель, где на выборах 2003 г. они получили около трети голосов. Еще лучше голосование за либералов выражено в пригородном Валлонском Брабанте (более 40%). Вообще в компактной Бельгии повышенное влияние либералов⁷ легко распространяется на другие относительно крупные центры, во фламандской части – на Восточную Фландрию (столица – Гент), в валлонской – на Льеж. Сплошная диффузия инноваций привела к тому, что и некоторые небольшие и даже скорее периферийные по местным меркам города и провинции Бельгии отличаются повышенными показателями голосования за либералов (по аналогии с американской прибрежной полосой на Северо-Востоке). Например, в валлонской части в этот список даже входит провинция Люксембург – наиболее консервативная из всех валлонских провинций. Этот пример показывает высокий уровень адаптивности большинства бельгийских регионов, причем буквально всех регионов Валлонии.

Итак, в европейских странах можно говорить о *бельгийской модели голосования за либералов*, которая связывает это голосование с инновационными центрами и полупериферийными территориями, попадающими под их политическое влияние в процессе диффузии инноваций. Бельгия показательна тем, что здесь влияние либералов смогло распространиться на значительную часть территории страны и в то же время не на все крупные центры (по геокультурным причинам, о которых речь пойдет ниже, выпадают более правые Антверпен и Брюгге).

Более слабые с точки зрения влияния европейские либеральные партии тоже добиваются успеха скорее в более благополучных и активных инновационных центрах. Эта ситуация характерна и для других стран Бенилюкса. Например, в Нидерландах Народная партия за свободу и демократию добилась своих наилучших результатов (около 20% и более) в инновационном ядре страны, включающем Северную Голландию (где расположен Амстердам), Южную Голландию (Роттердам, Гаага и др.), Утрехт и Флеволанд⁸. В Люксембурге Демократическая партия лучше всего (более 30% голосов) выступила на выборах 1999 г. в столице страны. В Швеции Народная партия тоже хорошо котируется в регионах столичного типа. На выборах 2002 г. она получила в Стокгольме 18,8% голосов (по стране 13,3%), относительно успешно выступила в близлежащих Уппсале и Вестманланде, а также отличилась во «второй столице» Швеции – Гетеборге (Вестра-Геталанд).

⁶ Поскольку в Бельгии все партийные структуры расколоты по этнолингвистическому признаку, речь идет о двух партиях – Фламандских либералах и демократах и Реформистской либеральной партии (валлоны).

⁷ На уровне не менее 30% на выборах 2003 г.

⁸ Флеволанд – провинция инновационная в самом полном смысле этого слова, созданная «с нуля» на осушенных польдерах.

В то же время из «бельгийского» правила есть свои исключения. Их можно связать с теми ситуациями, когда в стране явно доминируют крупные партии социал-демократического и консервативного направления, а либералы выступают в роли небольшого дополнения в этой системе. В этой ситуации они постоянно ищут себе свободную нишу и в политическом пространстве, и в пространстве географическом. Например, в Великобритании либеральные демократы почти в прямом смысле этого слова прячутся по углам страны, которая в целом поделена между лейбористами и тори. Они являются отчасти столичной партией, доказательством чему служит их успех на выборах 2001 г. в ряде лондонских округов (преимущественно западная часть города). И одновременно им удалось выиграть 4 из 5 округов в Корнуолле, т. е. на дальнем юго-западном конце Англии, где даже мыс называется Лендс-Энд (край земли). В целом, именно на юго-западных окраинах страны либеральные демократы нашли свои наиболее благоприятные ниши, завоевав 4 из 11 округов в графстве Девон (наиболее крупный центр – Плимут), 3 из 10 в графстве Эйвон (Бристоль). Характерно, что эта партия неплохо выступила в Шотландии, где при полном доминировании лейбористов на правом фланге совершенно не котируются тори. Именно либеральным демократам достался самый, пожалуй, периферийный округ страны, включающий Оркнейские и Шетландские острова на крайнем севере.

Нечто похожее происходит в Германии со Свободной демократической партией. Ее позиции слабее и в наиболее консервативной Баварии, и в тяготеющих к социал-демократам северных землях, равно как и на территории бывшей ГДР. В остатке оказываются довольно разные земли в центре и на западе страны, вытянувшиеся вдоль Рейна (Северный Рейн – Вестфалия, Рейнланд-Пфальц, Гессен⁹), а также крайний северный Шлезвиг-Гольштейн, германский аналог Шетландских островов. Здесь СвДП получила более 8–9% голосов. Примером подобной географической модели голосования за «слабых либералов» можно считать и Исландию, где голосование за Либеральную партию оказалось характерным для периферийного северо-запада (более 14% при 7,4% по стране в целом).

Модель «свободных ниш» (далеко не всегда столичных) вообще оказывается характерной для более слабых партий либерального и центристского толка. Эти партии нередко становятся локальным явлением для тех обычно обособленных территорий, которые по каким-то причинам не попали под диффузное влияние крупнейших политических сил. Например, на Кипре либеральная Демократическая партия добивается наилучших результатов в Пафосе (более 20% при 14,8% по стране на выборах 2003 г.), который представляет собой западную окраину страны, при этом, впрочем, развитую в качестве туристического центра¹⁰. В далекой Австралии небольшая партия Австралийские демократы укрепились в Южной Австралии (Аделаида),

⁹ На выборах 1998 г. СвДП получила свой максимальный показатель в следующем далее к югу Баден-Вюртемберге, но в 2002 г. эта земля уже не выделялась так, как ранее.

¹⁰ Результаты Демократической партии немного ниже, но тоже существенны в соседнем Лимасоле, особом городе Кипра, который по сути и является его главным инновационным центром. Это больше соответствует бельгийской модели.

где получает более 10% голосов при результатах по стране, едва превосходящих 5% (выборы 1998 и 2001 гг.).

Голосование инновационных центров в странах, где основной раскол проходит между партиями социал-демократического (социалистического) и консервативного толка, выглядит сложнее. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что социал-демократы добиваются наибольшего успеха в инновационных центрах этих стран, как это делают, например, демократы в США. Другими словами, американская модель, возможно, распространяется и на голосование за европейские левые партии. Данная тенденция может объясняться достаточным количеством «синих воротничков», которые являются главной социальной базой европейских левых. Известно также тяготение к левым европейским интеллектуалов (например, во Франции), лучше представленных, конечно, в городах. Эта гипотеза имеет свои доказательства.

Одним из самых ярких примеров служит Вена, являющаяся главным форпостом австрийских социал-демократов. На выборах 2002 г. СДПА получила в австрийской столице более 45% голосов (при 36,5% по стране в целом), в менее успешном 1999 г. – более 35%. Можно говорить об *австрийской модели*, в соответствии с которой голосование за социал-демократов является характерным для столиц.

Австрийская модель отчасти характеризует ситуацию в соседней Германии. Здесь форпостами социал-демократов являются северные инновационные центры и, прежде всего, Гамбург, один из самых крупных и экономически успешных городов страны и Европы в целом. На выборах 2002 г. СДПГ получила в Гамбурге свыше 40% голосов, а в 1998 г. даже более 45%¹¹. Еще одним и даже более ярко выраженным форпостом социалистов на севере Германии является Бремен. Благоприятна для социал-демократов и земля Северный Рейн – Вестфалия (показатели, близкие к гамбургским), на территории которой находится знаменитый Рур, наиболее мощное индустриальное ядро Германии. В то же время инновационные центры на юге Германии (и, кстати, географически расположенные ближе к Вене) оказываются существенно более консервативными, что смазывает общую картину. Причина раздвоения германских инновационных центров связана с геокультурным расколом, о чем речь пойдет ниже.

Примерно в русле той же тенденции следует и соседняя Дания. Здесь с некоторыми оговорками можно указать на наиболее сильные позиции социал-демократов в основных городах: Копенгагене, а также Орхусе и Оденсе. Сдвиг влево характерен и для Дублина, но с поправкой на слабые позиции ирландских лейбористов, особенно в сравнении с британскими, в условиях консервативной Ирландии.

Важным примером относительного доминирования левых в лице лейбористов является Лондон. На выборах 2001 г. лейбористы взяли 53 из 75 лондонских округов (мэром города избран К.Ливингстон, который позиционируется левее лейбористов). Однако Лондон

¹¹ В Берлине популярность СДПГ несколько понижена в связи с влиянием Партии демократического социализма в восточных районах города.

не является наиболее устойчивым оплотом лейбористов в Великобритании, в нем есть достаточное число консервативных и либерально-демократических округов.

Достаточно выраженная левизна характеризует инновационные центры первого порядка и в некоторых других странах. К их числу следует отнести Португалию, где в Лиссабоне и Порту относительно успеха на выборах добиваются социалисты и в меньшей степени коммунисты. В Новой Зеландии оплотом лейбористов является самый крупный город Южного острова Крайстчерч, а в Австралии к лейбористам склоняется небольшая столица страны Канберра, чем-то напоминающая американский город Вашингтон.

Однако выдвинутая гипотеза и связанная с нею австрийская модель электоральной геоструктуры не подтверждается во многих странах. Дело в том, что столичный тип голосования не предполагает однообразия электоральных предпочтений и консолидированного голосования. Добротный креативный центр по определению должен порождать или впитывать извне множество различных инноваций. Поэтому в большинстве случаев столичная электоральная культура оказывается не столько преимущественно левой (австрийская модель) и/или либеральной (бельгийская модель), сколько смешанной в разных пропорциях. В соответствии с этой более распространенной моделью столица представляет собой национальный микрокосм, в котором смешиваются все или почти все характерные для страны электоральные тенденции. Очень часто столичный мегаполис представляет собой страну в миниатюре, где происходит своя внутренняя географическая сегрегация на небольшие районы со своими предпочтениями избирателей (Аксенов, Капралов, 1991). Не следует забывать, что для инновационного центра характерно и наличие некоторых обеспеченных слоев избирателей, которые будут голосовать по консервативному сценарию.

Характерным примером столичной электоральной культуры смешанного типа можно считать Париж, определив таким образом *парижскую модель* столичного голосования. В собственно Париже, т. е. центральной части агломерации популярность социалистов немного выше, чем по стране в целом¹², но далеко не абсолютна и намного уступает популярности социалистов в Вене или Гамбурге. При этом часть парижских пригородов весьма благоприятна для коммунистов (особенно Сена-Сен-Дени на севере Парижа). Наоборот, другие пригородные департаменты оказываются благоприятными для правых (Ивелин, О-де-Сен, Сена и Марна, Валь-д'Уаз, а также прилегающий департамент Уаза). Не будем забывать, что нынешний президент Франции Ж.Ширак, представляющий правое крыло французской политики, долгое время работал мэром Парижа¹³. Однако затем мэром был избран социалист Б.Делано.

Логично предположить, что благополучные и скорее постиндустриальные столичные центры могут демонстрировать и достаточно

¹² Например, лидер социалистов Л. Жоспен, провалив президентские выборы 2002 г. (он занял третье место), получил в Париже более 20% голосов, что было одним из его лучших результатов по регионам страны.

¹³ Для европейских стран, тяготеющих к австрийской модели, более характерны левые мэры. Мэ-

ром Лондона является левый радикал (по британским меркам) К.Ливингстон. В Берлине мэром стал социал-демократ К.Вокерайт. Нынешний президент Португалии, социалист Ж.Сампайо был мэром Лиссабона.

сдержанное отношение к левым силам. При наличии в политическом спектре либеральных партий обычно крупный город отдает им значительную часть голосов. Об этом свидетельствуют примеры Брюсселя, а также Амстердама. Показатели социал-демократов из-за этого снижаются. Хотя заметим, что уровень поддержки Партии труда в Северной Голландии все равно выше, чем в Южной Голландии и Утрехте, составляющих вместе инновационное ядро Нидерландов. Пример же Австрии интересен тем, что для адаптации к избирателям крупных городов австрийские социалисты сменили название партии на социал-демократическую и привлекли тем самым более умеренные слои электората. Отчасти этим объясняется сохраняющееся доминирование левых в Вене – при отсутствии в политическом спектре либеральной партии.

Однако именно столичные центры (наряду со старопромышленными районами, о чем речь пойдет ниже) демонстрируют повышенные симпатии к левым радикалам, которые отбирают часть потенциальных голосов у социал-демократов. Коммунисты исторически выступили тоже как инновационная тенденция, но для определенного типа локальных сообществ, т. е. рабочих кварталов в крупных промышленных зонах. Это доказывает уже приведенный выше пример отдельных парижских окраин.

Продолжая примеры, следует отметить, что в Афинах и входящем в столичную агломерацию портово-промышленном Пирее коммунисты и различные левые партии (помимо ведущей социалистической партии ПАСОК) добиваются своих наилучших показателей. На парламентских выборах 2000 г. в Греции коммунисты получили в районе Пирей В более 9% голосов, а в районе Афины В – более 8% голосов (в целом по стране КПГ получила 5,5% голосов). Более 5% получила в Афинах Коалиция левых и прогрессивных сил (в 1996 г. около 9%), что стало ее наилучшим результатом по регионам Греции. Левое движение ДИККИ (Демократическое социальное движение) в более успешном для него 1996 г. набрало в Пирее В более 6% голосов (по стране 4,4%). Греческий пример показывает, что в промышленно развитых инновационных центрах относительным успехом могут пользоваться различные альтернативные левые движения, представленные в стране.

Также следует обратить внимание на популярность левых радикалов в других столицах южных европейских стран. Мадрид является одной из главных баз Объединенных левых в Испании (системообразующую роль в этом блоке играют коммунисты). Здесь в 2000 г. они получили почти 10% голосов, а в более успешном 1996 г. – более 15%. В соседней Португалии Лиссабон входит в число наиболее благоприятных территорий для аналогичного блока – Коалиции демократического единства (более 10% голосов на выборах 1999 г.¹⁴). Реформированные коммунисты имеют сравнительно хорошие позиции в Риме (более 10% на выборах 1996 г., в 2001 г., правда, существенно меньше).

¹⁴ Кроме того, почти 5% голосов получил в Лиссабоне еще один представитель левой альтернативы – Левый блок, что стало наилучшим для него результатом.

Однако не следует считать, что левые радикалы добиваются наилучших своих показателей только в южных европейских столицах. Популярность коммунистов можно, конечно, связать с более низким экономическим развитием определенных стран и большей социальной контрастностью, провоцирующей политическую поляризацию в крупных городах. Но левые радикалы неплохо выступают и в северных столицах. Правда, в адаптированном к условиям более благополучных и стабильных стран северном варианте речь идет уже не о коммунистах, а о партиях с более нейтральными названиями. Социалистическая левая партия хорошо выступила в 2001 г. в Осло, набрав более 15% голосов¹⁵. Социалистическая народная партия в Дании заметна в Копенгагене и Орхусе, т. е. двух наиболее крупных центрах. Правда, Левая партия в Швеции по своей географии ближе к социал-демократам, которые в этой стране не являются столичным феноменом.

Наряду с левыми радикалами (разной степени радикальности) именно в столицах активно развивается и движение зеленых, которое, кстати, нередко вступает в коалиции с левыми. Это – пример еще одной политической инновации, захватившей крупные центры. Показателен пример Германии, где зеленые стабильно добиваются наилучших своих результатов в Берлине, Гамбурге и Бремене (на выборах 2002 г. на уровне 15–16% голосов). Видимо не случайны относительно высокие показатели зеленых в Гессене (Франкфурт) и Баден-Вюртемберге (Штутгарт). В то же время самый казался бы загрязненный старопромышленный Рур за зеленых голосует хуже, что доказывает важную вещь: голосование за зеленых чаще коррелирует не с загрязнением воздуха, а с политической инновационностью территории (или и с тем, и с другим сразу, поскольку крупные центры, конечно, не выглядят экологически благополучными). Эта тенденция вновь сближает Германию и Австрию, где зеленые получают в Вене более 10% голосов. В своих странах среди регионов, благоприятных для зеленых, находятся Рим (мэр Рима Ф.Рутелли является выходцем из движения зеленых), Брюссель и Дублин¹⁶.

Разнообразие и смешение электоральных тенденций в столичных центрах ведет в некоторых случаях и к их заметному поправению, которое в ряде случаев полностью противоречит австрийской модели. Наиболее яркими исключениями являются столицы Северной Европы, в особенности Осло и Стокгольм, что позволяет говорить о редкой *скандинавской модели*, предполагающей, что консервативная партия добивается своих наилучших результатов не на периферии, а, наоборот, в столичном центре. На выборах 2002 г. именно в Стокгольме социал-демократы получили свой самый низкий результат по стране, хотя все равно, как и везде, заняли относительное первое место, опередив более консервативную Умеренную коалиционную партию и либеральную Народную партию. В Норвегии настроения в Осло оказываются еще более консервативными, и здесь правая партия

¹⁵ Примерно на том же уровне за нее голосовал Тронхейм, второй по величине центр страны.

¹⁶ В то же время следует отметить более редкую тенденцию, когда зеленые добиваются успеха на сравнительно «чистых» перифериях, для которых, видимо, темы экологического благополучия оказываются достаточно актуальными. Например, в Австрии, наряду с Веней, зеленые лучше всего выступили в альпийских землях Форальберг и Тироль. В Финляндии зеленые набрали более 18% на выборах 2003 г. в центральной озерной провинции Кески-Суоми. В США единственным регионом, где на президентских выборах 2000 г. «зеленый» Р.Найдер набрал более 10% голосов, стала Аляска.

Хейре вышла на первое место (отчасти этому способствовало отсутствие в Норвегии либеральной партии типа Народной партии в Швеции, которая забрала в Стокгольме часть более «правых» голосов). В обеих странах столицы вместе с некоторыми прилегающими зонами являются одним из самых благоприятных регионов для правой партии¹⁷.

¹⁷ В Норвегии наряду с Осло партия Хейре получает более 25–30% на выборах 2001 г. в близлежащих районах Акерсхус, Вестфолл и Бускеруд.

Частичные правые инверсии в столицах «скандинавского типа» объясняются историческими и геокультурными факторами. В Швеции имеет место перевернутая картина, когда популярность социал-демократов перешла на часть периферий (см. ниже), тогда как столицы в результате новой поляризации пространства стали отдавать предпочтение правым, а также (что более привычно) либералам. Отчасти это связано с результатами многолетнего доминирования социал-демократов в политической системе, что привело к диффузии их популярности на перифериях, тогда как инновационные центры стали более правыми. Следы подобной ситуации прослеживаются, кстати, и в Финляндии. Здесь правая Национальная коалиционная партия может считать Хельсинки одним из благоприятных регионов (результат более 20% на выборах 2003 г.), хотя социал-демократы получают в финской столице больше голосов и имеют показатели существенно выше, чем по стране в целом (более 30%)¹⁸. Напротив, далекий исландский Рейкьявик выглядит еще правее, чем Осло. Тем не менее и для Рейкьявика характерна смешанная электоральная культура, поскольку здесь примерно равное число голосов набирают как Объединенная левая партия, так и консервативная Партия независимости, две наиболее крупные партии в стране. Другими словами, скандинавские примеры не являются противоположностью австрийскому и германскому, поскольку уровень «правизны» местных столиц далеко не достигает уровня «левизны» в других примерах, т. е. необычная скандинавская модель столичного голосования – не столь яркая и выпуклая, как австрийская и скорее является дальнейшей формой развития смешанной модели.

¹⁸ В целом Хельсинки заметно левее, «социал-демократичнее» Осло и Стокгольма.

Вообще феномен крупных инновационных центров с относительно сильными позициями правых партий не ограничивается Северной Европой. Он возникает в странах с геокультурными расколами, в которых инновационный центр сдвигается к правому полюсу. Например, в Испании Мадрид больше тяготеет к правой Народной партии, отталкиваясь от более бедной и левой Андалусии и сближаясь с консервативной Кастилией. Интересна ситуация в Риме, который дает наиболее высокие показатели Национальному альянсу, партии, которая считается реформированным наследником итальянских фашистов (более 20% на выборах 2001 г.). Это сближает Рим с южной электоральной культурой Италии, для которой характерна повышенная популярность Национального альянса. Тем временем северные итальянские центры, в т.ч. Милан стали оплотом других правых движений и, прежде всего, правящего ныне движения «Вперед, Италия!» (точ-

нее – лидера правящей коалиции «Дом свобод»). В Швейцарии северные германоязычные центры Цюрих и Берн не столь сильно отличаются от своего консервативного окружения и больше голосуют за правую Швейцарскую народную партию, напоминая консервативные города Южной Германии. Похожие примеры встречаются и за пределами Европы. В Австралии штат Новый Южный Уэльс (где расположен Сидней – самый крупный город страны) отличается повышенными показателями голосования за более правую Национальную партию (более 9% на выборах 2001 г.). В Новой Зеландии главные центры Северного острова Веллингтон и Окленд тяготеют к местной Национальной партии¹⁹.

¹⁹ Национальная партия в Новой Зеландии является одной из двух ведущих партий наряду с лейбористами, тогда как в Австралии на первые позиции вышла Либеральная партия, а слабая Национальная партия выступает с ней в коалиции.

Особым видом территории в системе «центр – периферия» является окружение столиц. Если рассматривать собственно столицы и их окружение в качестве единой электорально-географической системы, то, как показывает пример Парижа, эта система превращается в слепок с национальной электоральной карты. Для собственно пригородных зон характерна заметная сегрегация, которая связана с социальной структурой населения различных районов. Нередко пригородные зоны оказываются заметно более правыми, чем собственно город, что, очевидно, отражает процессы миграции более обеспеченных слоев в пригородные зоны. Это видно на примере наиболее крупных центров. Наряду с Парижем такая ситуация характерна для Лондона: пригородные графства являются или смешанными по своим электоральным ориентациям, или откровенно правыми. Например, расположенный непосредственно к югу от Лондона Суррей отдал тори 9 из 11 своих округов (что соответствует и другой тенденции, в соответствии с которой южные районы Англии являются наиболее консервативными). Прилегающие к Лондону графства Беркшир, Эссекс, Кент являются по итогам последних выборов смешанными и переходными.

Таким образом, окружение мегаполиса с точки зрения электоральной географии в целом тоже является скорее смешанным по своим ориентациям с сегрегацией более левых и более правых зон, определяемых социальным статусом населения (парижская модель). Типичная картина электоральной сегрегации в столичном ядре отмечается на Мальте с ее практически двухпартийной системой. Лейбористы стабильно доминируют в более индустриализованных, «рабочих» районах к востоку и юго-востоку от столицы. Их оплотами являются такие центры, как Биргу, Заббар, Зейтун, Марсаскала, Бирзедбуджа, Марсашлок, в меньшей степени Паола и др. Напротив, наиболее уважаемые города Слива и Сент-Джулианс отдали на последних выборах более 70% голосов Националистической партии. Немногим от них отстает Биркиркара. Собственно Валлетта отличается расколом электората, но чуть больше тяготеет к правым.

Другая концептуально важная ситуация иногда связана с градиентом между городом и его окружением, если между ними возникает

эффект поляризации, или отталкивания (т. е. пригороды становятся абсорбирующими барьерами на пути городской инновации). В этом случае окружение оказывается существенно более консервативным, чем город. Логично, что такая ситуация характерна для австрийской модели: если Вена отличается своей левизной, то окружающая ее Нижняя Австрия, напротив, входит в список более консервативных регионов страны. Для примера: на выборах 2002 г. социал-демократы получили в Вене 44,4% голосов, а в Нижней Австрии – 37%. Напротив, Народная партия набрала в Нижней Австрии 47,8% голосов, а в Вене лишь 30,1%. Любопытно, что гораздо левее Нижней Австрии оказывается соседний (и тоже достаточно близкий к Вене) Бургенланд, расположенный вдоль венгерской границы. Бургенланд является одной из самых «социал-демократических» земель Австрии, если вообще не самой «социал-демократической» (46,1% голосов в 2001 г., 41,9% в менее успешном для австрийских социал-демократов 1999 г.).

Классическими районами голосования за левых являются, конечно, старопромышленные районы, для которых характерна индустриальная политическая культура и связанное с ней голосование. Наиболее типичная ситуация возникла на родине индустриальной революции – в Великобритании (Визгалов, 2000), и потому ситуацию, когда старопромышленные зоны активно голосуют за левых, можно назвать *британской моделью*. Британская модель является разновидностью австрийской, но с одним важным «но». Столица государства при этой модели голосует за левых не столь консолидированно, как собственно промышленные центры страны. Именно для последних характерна самая активная поддержка левых со всеми соответствующими атрибутами – профсоюзами, мобилизацией «синих воротничков» по их социальным сетям и т. п. Эта поддержка является здесь традиционной, «застывшей», превратившись в некую форму индустриального левого консерватизма. В крупном и более постиндустриальном креативном центре этот эффект заметно ослаблен, о чем свидетельствует пример Лондона. Эта ситуация является вызовом для социал-демократов, которые должны адаптироваться к постиндустриальным реалиям креативных и частично адаптивных центров, рискуя в противном случае утратить часть своих позиций в трансформирующихся старопромышленных зонах (о понимании данной проблемы свидетельствует политика Т.Блэра, направленная на идеологическое обновление лейбористской партии).

На выборах 2001 г. по всем метрополитеновским округам, все из которых можно считать старопромышленными районами, лейбористы завоевали 113 округов из 122 возможных. Были взяты буквально все округа в Западном Йоркшире (Лидс, Брэдфорд и др.), почти все округа Мерсисайда (Ливерпуль), Южного Йоркшира (Шеффилд), Большого Манчестера и Западного Мидлендса (Бирмингем, Ковентри). Аналогичные результаты показала и старопромышленная зона на северо-востоке Англии, известная как Тайн-энд-Уир с

центром Ньюкасл-апон-Тайн (все 13 округов). Как обычно, активно поддерживали лейбористов и старопромышленные зоны Шотландии и Уэльса.

Заметно, что к старопромышленным районам подтягиваются и прилегающие графства. Например, явное большинство округов лейбористы получили в Ланкашире, Дербишире, Нортгемптоншире, Ноттингемшире, Стаффордшире, Уорвикшире, а на восточном побережье – в Хамберсайде, Дареме, Кливленде. Таким образом, по схеме диффузии инноваций голосование за лейбористов распространилось из метрополитенских районов на близлежащие адаптивные английские графства. Многие из этих графств по своим социально-экономическим параметрам не отличаются от крупных старопромышленных зон. Характерен и пример юго-западного графства Эйвон, где расположен довольно крупный центр Бристоль, которое приближается по своей социальной структуре к метрополитенскому округу (6 из 10 округов у лейбористов, слабые позиции торы).

Примеры распространения британской модели на другие страны достаточно характерны. Вообще классическим примером левого региона является угольный бассейн с развитой металлургией. Уже говорилось о довольно высоком уровне поддержки социал-демократов в германском Руре. Еще более ярким примером в Германии является Саар, стабильно являющийся одним из самых благоприятных регионов для СДПГ (более 45% в 2002 г. и даже более 50% в 1998 г.) и притом расположенный в довольно консервативном «южном» окружении. В Бельгии оплотом социалистов является аналогичная по социальной истории угольно-металлургическая индустриальная провинция Эно, где они набрали на выборах 2003 г. почти 45% голосов²⁰. В Люксембурге эту географическую нишу занимает южная часть страны (наиболее высокие показатели Люксембургской социалистической рабочей партии). В Испании, где социалисты наиболее популярны на юге, на фоне консервативных северных регионов совершенно определенно выделяется «красная» Астурия, что позволяет проводить аналогии с Сааром. Здесь не только высоки результаты социалистов, но и довольно популярны более радикальные Объединенные левые²¹. Во Франции примером могут служить область Нор-Па-де-Кале на крайнем северо-западе (продолжение бельгийской Эно) и порты, особенно Атлантического побережья (Руан, Гавр, Нант, Брест), где более или менее популярны социалисты. В такого рода районах обычно добиваются своего относительного успеха и коммунисты, другой инновационный продукт индустриальной революции (во Франции это прежде всего Нор-Па-де-Кале, в Испании – Астурия).

Феномен крупных и явно не периферийных регионов с преимущественно левой ориентацией встречается и в других странах, где он требует более сложных объяснений и связан с геокультурными и социальными расколами. Например, в Италии роль «красного пояса» в

²⁰ Высокие показатели социалистов отмечаются и в Льеже – мощном индустриальном центре.

²¹ Они получают близкие показатели в двух своих наиболее благоприятных регионах – Астурии и Мадриде.

настоящее время выполняют центральные области Эмилия-Романья (Болонья), Тоскана (Флоренция), Умбрия, к которым примыкают Лигурия и в меньшей степени Марке. На выборах 2001 г. Левые демократы получили в Эмилии-Романье и Тоскане более 30% голосов, в Умбрии и Лигурии – около 25%. В 1996 г. были отмечены близкие показатели (более высокие для Умбрии, чем в 2001 г.), к которым тогда приблизилась и область Марке (почти 29%). Причины появления «красного пояса» именно в этой части страны объясняются уникальным сочетанием исторических и социально-экономических факторов. Среди них – историческое вхождение в Папскую область (в результате инновационной тенденцией стало отторжение религиозного консерватизма), характерная «общинная» социальная структура (развитие кооперативов), диффузная инновационная индустриализация второй половины XX века и др. Все эти факторы, а также традиционные внутриитальянские геокультурные расколы и противоречия между частями страны привели к тому, что именно районы Болоньи, Флоренции и др. стали наиболее «красными» областями Италии.

Также сочетание геокультурных и социально-экономических факторов сделало оплотом Партии труда в Нидерландах северный индустриальный центр страны – провинцию Гронинген (вместе с примыкающей к ней провинцией Дренте). На выборах 2003 г. Партия труда получила здесь около 40% голосов по сравнению с 27,3% по стране в целом. На результат повлияла и культурная история (протестантский север Нидерландов, напоминающий левый протестантский север Германии), и социальная структура (индустриализация), и внутривосточные расколы между севером и более консервативным югом.

Периферийные геоструктуры

В соответствии с исходной гипотезой периферия страны должна быть наиболее консервативным элементом ее геоструктуры. Логично, что наиболее характерным здесь будет более или менее консолидированное голосование за консервативные политические силы. Хотя свою корректирующую роль безусловно будут играть геокультурные и социальные факторы. Например, программа левых сил может найти отклик в наиболее бедных районах страны, а периферия обычно относится к числу таковых.

Классическим вариантом все же следует считать голосование периферии за консервативные партии. Наиболее простым и характерным случаем является американская модель, второй стороной которой является голосование более периферийных штатов за республиканцев. Анализ выборов в США позволяет говорить о нескольких типично правых перифериях. Первая из их числа – это горные районы на западе страны. В наибольшей степени поддержкой республиканцев здесь отличаются Юта, Вайоминг и Айдахо²², чуть меньше – Монтана, Колорадо и Аризона. Для уточнения картины всегда полезно по-

²² На выборах 2000 г. Дж. Буш-младший получил

в Вайоминге 69,2% голосов, в Айдахо 67,2%, в Юте 66,8%.

Эти три штата и стали для него наиболее благоприятными. В 1988 г. Дж. Буш-старший особенно отличился в Юте, набрав там 68,5% голосов. В 1996 г. при в целом слабом выступлении кандидат республиканцев Б. Доул все-таки вытянул в Юте и некоторых других штатах более половины голосов.

мнить о геокультурных факторах. Так, усилению голосования за республиканцев способствует присутствие консервативных мормонов (Юта, как известно, является их главным центром). В то же время определенная инновационность Невады (Лас-Вегас и пр.) позволяет отнести ее скорее к переходным штатам западного побережья. В Нью-Мексико отмечается смещение голосования в пользу демократов в связи с высокой долей латиносов, предпочитающих голосовать за Демократическую партию.

Второй тип американской прореспубликанской периферии является продолжением первого. Это – прерии, степные районы, прилегающие к Скалистым горам, наиболее аграрные территории США. Относительным преобладанием голосования за республиканцев здесь отличаются практически все штаты – Северная и Южная Дакота, Небраска, Канзас, Оклахома и даже более инновационный Техас. В Техасе результаты республиканцев в последнее время улучшились, что является результатом губернаторства Дж.Буша-младшего. Напротив, Арканзас привлек на сторону демократов Б.Клинтон, тоже работавший там губернатором (поэтому лично для Б.Клинтона Арканзас на выборах 1992 и 1996 гг. был в числе самых благоприятных). Несколько менее консервативным является штат Миссури с его достаточно крупным центром Сент-Луисом (ранее он был более правым по своим ориентациям). И выпала из этой схемы еще одна американская житница – Айова, что отчасти объясняется ее большей близостью к инновационным центрам северо-востока и, в частности, к Чикаго.

Третий тип прореспубликанской периферии связан с американским Югом. Более консервативными здесь являются Алабама, Северная и, в еще большей степени, Южная Каролина, Кентукки и, с оговорками, Миссисипи²³. В меньшей степени, но все же скорее консервативны южные штаты с более крупными центрами – Джорджия (Атланта), Луизиана (Нью-Орлеан), Вирджиния (примыкает к северо-восточной продемократической прибрежной полосе), а также Теннесси. Помимо уровня столичности к снижению голосования за республиканцев здесь приводит и доля афроамериканцев, которые традиционно предпочитают голосовать за демократов. И далее примером штата переходного типа с неустойчивой ориентацией становится Флорида²⁴ – электорально-географический аналог Калифорнии на Юге США (т. е. более высокий уровень столичности в сравнении с другими более или менее консервативными окраинами, плюс повышенная доля латиносов).

Существует и отдельный четвертый тип американской периферии, голосующей скорее за республиканцев. Это – далекая северная Аляска.

Периферийный консерватизм отличает и соседнюю Канаду, но в несколько иной системе партийных координат и с оговорками²⁵. В

²³ Так, в 1988 г. в Миссисипи более половины голосов набрал кандидат демократов М. Дукакис.

²⁴ Вспомним острый конфликт, связанный с определением, кто же все-таки выиграл во Флориде, Дж. Буш или А. Гор.

²⁵ В Австралии следует обратить внимание на относительно высокие по-

казатели Национальной партии в более периферийном и консервативном Квинсленде. На выборах 1998 и 2001 гг. партия получала здесь порядка 9–10% голосов. Поддержка лейбористов в Квинсленде находится на низком по меркам Австралии уровне.

Канаде отмечается доминирование Либеральной партии с ее оплотом в Онтарио. Прогрессивно-консервативная партия выступает на выборах слабо. Но при этом своих наилучших показателей она добивается в более периферийных восточных провинциях Канады. Так, на выборах 2000 г. она получила порядка 30% голосов и более – в провинциях Принс-Эдуард, Нью-Брансуик, Новая Шотландия и Ньюфаундленд. Однако везде она уступила либералам. Запад же Канады, в силу не столько периферийного консерватизма, но скорее географического раскола страны, стал оплотом другой, более новой консервативной Партии реформ (см. ниже).

В Европе можно найти множество примеров, когда периферия страны предпочитает голосовать за правые партии, иногда – практически слитно и без исключений. Здесь, как и в случае с «левым» инновационным центром, можно считать классической австрийскую модель. В Австрии наиболее консервативными регионами являются западные горные земли Тироль и Форарльберг. На выборах 2002 г. Народная партия получила здесь около половины голосов (по стране в целом 42,3%)²⁶. К востоку поддержка народников постепенно убывает, но при этом Зальцбург и Штирия оказываются достаточно консервативными (еще в одной периферийной австрийской земле – Каринтии сложилась особая электоральная ситуация с расколом электората между социал-демократами и крайне правой Партией свободы).

²⁶ Выборы 1999 г. были менее удачными для австрийских народников. По стране они набрали только 26,9%. Но при этом Форарльберг дал им более 35% голосов, а чуть более «столичный» Тироль – более 30%.

В Австрии по сути начинается «альпийский (центрально-европейский) пояс» католического консерватизма, который прослеживается далее в Швейцарии и Франции, а также в соседней Баварии к северу и Италии к югу. Электоральная геоструктура в Швейцарии имеет более сложный характер в связи с этнической и конфессиональной чересполосицей, а также более сложной четырехпартийной системой. Но и здесь горные кантоны обычно консервативнее. Так, один из изначальных швейцарских кантонов Швиц отличается поддержкой Швейцарской народной партии и христианских демократов. Последние довольно популярны в кантоне Вале. Христианские и радикальные демократы пользуются повышенной поддержкой в италиязычном Тичино на юге страны. Радикальные демократы успешно выступают в Ури и Нидвальдене (часть кантона Унтервальден). Правда, наиболее крупный горный кантон Граубюнден по швейцарским меркам оказывается относительно «инновационным» (здесь расположен Давос, да и столица кантона Кур может считаться довольно крупным центром), что влечет за собой смешение консервативного голосования с голосованием за социал-демократов.

Логично, что голосование периферии за консерваторов оказывается яркой характеристикой и британской модели (отличие которой от австрийской состоит, напомним, в наличии мощных старопромышленных районов, являющихся более уверенным оплотом левых

по сравнению со столицей). Замечательная особенность анализа электоральной географии в Англии заключается в том, что страна поделена на «столичные» метрополитеновские округа и «периферийные» графства, которым соответствует голосование за лейбористов и тори соответственно. Правда, в связи с общим ослаблением тори в последние годы их поддержка характерна далеко не для всех графств (выше говорилось о диффузии лейборизма в прилегающие к метрополитеновским округам графства). Оплотом британского консерватизма выступают скорее южные английские графства. Наряду с уже упомянутым Сурреем, который одновременно может считаться пригородным районом Лондона, в эту группу входит большинство графств южного побережья – Хэмпшир (Саутгемптон, Портсмут), Дорсет (Борнмут, Пул), Сомерсет, Уилтшир, Западный Суссекс, остров Уайт²⁷. Консервативные географические ниши встречаются и на остальной территории Англии, как правило, скорее в центральной и восточной ее части. К числу графств, благоприятных для консерваторов, оказались в 2001 г. Бэкингемшир, Оксфордшир, Кембриджшир, Суффолк, а также расположенный ближе к северу Линкольншир. Отметим относительный консерватизм обоих старинных университетских центров – Оксфорда и Кембриджа.

Более консервативная Ирландия вообще отличается доминированием правых и праволиберальных партий, в том числе на периферии (в сущности, только Дублин является более левым и разнообразным по электоральным ориентациям исключением). Более либеральная Фианна файл является в последнее время доминирующей партией, наиболее правая Финне гэл заметно отстает. При этом наиболее устойчивая поддержка обеих партий более характерна для периферийных районов. Так, Фианна файл показала наиболее хорошие результаты на выборах 2002 г. в округах Карлоу-Килкенни, Лишь-Оффали, Мит, а также в самом удаленном Донеголе на северо-западной окраине острова. Наиболее устойчивым оплотом консервативной Финне гэл является еще один окраинный район страны – Мейо на западном побережье.

Феномен консервативной периферии характерен также и для стран Бенилюкса. Как правило здесь, как и в других странах, это наиболее религиозные районы страны, а правые партии выступают с христианско-демократических позиций. Нидерланды интересны наличием как протестантских, так и католических периферий, предпочитающих голосовать за консерваторов в лице партии Христианско-демократический призыв. На выборах 2003 г. ХДП получил более 35% голосов в двух весьма характерных провинциях – католическом Лимбурге на крайнем юго-востоке и протестантском Оверэйсселе на востоке страны. От них немного отстают расположенный по соседству с Оверэйсселом Гелдерланд и северная Фрисландия (но в ней, как и в соседнем Гронингене, довольно популярны и социал-демократы,

²⁷ Дальше к западу, впрочем, следуют Девон со смешанной электоральной ориентацией (при отличных результатах либеральных демократов) и Корнуолл, вообще избравший почти одних либералов.

т. е. речь уже идет об электоральном расколе). На католическом юге второй по уровню консерватизма провинцией является Северный Брабант. Интересен также пример Зеландии – небольшой обособленной провинции на юго-западном побережье страны. Зеландия известна как еще один оплот протестантского консерватизма. Но ее географическая обособленность привела к тому, что здесь есть свои нюансы в структуре голосования: значительная часть консервативных голосов уходит к партии Реформаторский политический союз (она набрала в Зеландии в 2003 г. почти 8% голосов при 1,6% по стране в целом).

Весьма типично выглядят оплоты христианских демократов в Бельгии. В целом поддержка правых более характерна для фламандских земель (Христианская народная партия). В наибольшей степени выделяется Западная Фландрия (почти 27% на выборах 2003 г., что несколько больше, чем у социалистов и либералов). Этот регион с центром в Брюгге – наиболее консервативном историческом и религиозном центре Фландрии является главным оплотом фламандских консерваторов. На вторых позициях находится бельгийский Лимбург – фламандская провинция, в которой преобладает мелкогородское население (продолжение консервативного Лимбурга в Нидерландах). В Валлонии аналогом Западной Фландрии с примерно такими же показателями голосования (Социал-христианская партия) является Люксембург – юго-восточный край страны, близкий по ориентациям с северо-западным фламандским краем²⁸. В собственно Люксембурге (т. е. независимом государстве) Христианско-социальная народная партия хорошо выступает во всех регионах кроме столицы, особенно на востоке.

Феномен консервативных периферий распространен и в странах романской Европы. Однако в этих странах в силу геокультурных расколов чаще встречается раздвоение периферий, о чем речь пойдет ниже. Во Франции консервативные периферии распространены в центральных, северо-восточных и юго-восточных районах страны. Как правило, это те районы, где выше влияние церкви. Например, довольно устойчиво голосуют за правых (в нынешней ситуации это – Объединение президентского большинства Ж.Ширака) Эльзас и даже Лотарингия на северо-востоке страны. На Лотарингии (в отличие от соседнего Саара) несильно сказался даже ее статус классического старопромышленного региона, что практически во всех странах означает доминирование левых (лишь департамент Мез больше тяготеет к социалистам, но он как раз и не является старопромышленным²⁹). К правым склоняются такие регионы в северной и центральной части Франции, как Шампань, Бургундия³⁰, районы к югу от Парижа³¹ и в долине Луары (Шартр, Орлеан, Тур, Анже), большая часть Нормандии (кроме более крупных городов и портов, таких как Кан и Гавр), в значительной степени Франш-Конте. Например, на президентских

²⁸ Но, в отличие от Западной Фландрии, валлонский Люксембург достаточно благоприятен для либералов, которые опередили здесь христианских демократов, да и социалисты не сильно отстают от последних. В целом Валлония гораздо благоприятнее для либералов и социалистов, чем Фландрия, что отражает уже геокультурный раскол Бельгии.

²⁹ Старопромышленный лотарингский департамент Мозель не является таким уж левым.

³⁰ Исключение составляет тяготеющий к социалистам Ньевр.

³¹ Сливаясь, таким образом, с благополучными и более правыми южными пригородами Парижа.

выборах 2002 г. Ж.Ширак, набрав в первом туре 19,9% голосов, получил более 25% голосов в департаментах Манш в Нормандии и граничащем с ним департаменте Майен (центр – Лаваль). Правый тип голосования распространяется дальше к югу – на некоторые наиболее периферийные по своей социальной структуре департаменты Центрального массива, такие как Канталь и Коррез. Так, именно в Коррезе Ж.Ширак получил в первом туре свой наилучший результат – 34,2% голосов. Однако правые ориентации более всего характерны для юго-восточных районов Франции на контрасте с юго-западными. Во Франции заканчивается «альпийский пояс» консерватизма (Савойя). К голосованию за правых склоняется Прованс (за исключением собственно Марселя, приближающегося по показателям к портовым городам Атлантического побережья) и департаменты в долине Роны.

Пример Франции, однако, показывает, что периферия не обязательно слитно голосует за консерваторов. Собственно это показало уже сравнение двух соседей – левой Дренте и правого Оверэйссела в Нидерландах. В гетерогенных средиземноморских странах расслоение периферий вообще становится правилом. Примеры голосования периферий за более правые силы встречаются повсеместно, но не являются единственным типом голосования периферии. В Испании консервативный тип голосования периферии характерен для северных и прибрежных провинций. Главными оплотами Народной партии являются Кастилия-Леон – консервативное историческое ядро страны и примыкающая к нему с севера Кантабрия на берегу Бискайского залива. В этих регионах Народная партия получила более 55% голосов на выборах 2000 г. и более 50% в 1996 г. Аналогичные показатели были достигнуты и в северной области Ла-Риоха, регионе богатых виноделов³². Речь идет, таким образом, о внутренних, глубинных районах Испании, самой историей и географией как бы предназначенных для консерватизма³³. В прибрежной средиземноморской зоне тоже отмечается тяготение к правым, что отчасти может объясняться благополучием этих территорий (социально-электоральное расслоение, подобное тому, которое встречается в пригородных зонах Парижа или Мальты). Так, ближе к правым позиционируются Балеарские острова и Валенсия. Ярким примером служит Мурсия, небольшая юго-восточная прибрежная провинция, которая в 2000 г. показала наилучший результат Народной партии, сильно отличаясь, таким образом, от соседних и в большей степени внутриконтинентальных Андалусии и Кастилии-Ла-Манчи. Консервативная периферия захватывает и северные регионы, несколько дистанцированные от испанского центра, такие как Арагон, Наварра (присутствие басков) и Галисия (галисийцы), а также влияет на Мадрид.

В соседней Португалии есть своя «Кастилия» в лице северных периферийных районов страны. Специфика партийной системы в Португалии заключается в слабости собственно правых (Народная

³² *Который напоминает французский Бордо, традиционно отличавшийся консерватизмом на фоне тяготеющего к социалистам юго-запада Франции.*

³³ *Напомним, что кастильский Бургос – один из центров религиозного традиционализма был во время гражданской войны оплотом генерала Франко.*

партия), в результате чего их частично замещает Социал-демократическая партия, а левый полюс принадлежит социалистам и коммунистам. Социал-демократы и народники вместе доминируют практически во всех северных периферийных районах Португалии (особая ситуация, разумеется, связана с Порту – одним из ведущих центров страны). Наиболее активно за социал-демократов голосует Браганса на гористом северо-востоке страны (более 40% на выборах 1999 г., единственный регион, где на президентских выборах 2001 г. выиграл кандидат социал-демократов Ф.Амарал). Успешными для социал-демократов регионами являются и все прочие территории севера – Визеу, Вила-Реал, Авейру, Лейрия, Гуарда, Вьяна-ду-Каштелу. Только в этих районах более или менее серьезных результатов добивается Народная партия. На выборах 1999 г. она получила около 14% голосов в окраинном северо-западном регионе Португалии – Вьяна-ду-Каштелу. Из общего контекста закономерно выпадают только северные регионы с относительно крупными центрами и, соответственно, несколько большей левизной – Порту, Брага и Коимбра.

Анализ периферийного голосования в южных европейских странах полезно проводить, рассмотрев простейший пример Мальты. Маленькая Мальта интересна тем, что в условиях простой двухпартийной системы правая Националистическая партия добивается успеха в регионах двух типов – благополучных и богатых районах в столичном центре и на наиболее консервативной и религиозной периферии. Она уверенно выигрывает на втором острове – Гозо, который известен религиозностью населения даже на фоне и без того очень консервативной Мальты, а также на севере собственно Мальты, географически и культурно близком к Гозо.

Вообще имеет смысл выделить мальтийскую модель географического раздвоения правого голосования, смысл которой заключается в сочетании среди наиболее благоприятных для консерваторов территорий как религиозных периферий, так и экономически благополучных районов страны (как столичных, так и окраинных). Нечто подобное мы уже отметили в Испании (консервативная Кастилия и благополучное средиземноморское побережье) и Франции (консервативные центральные, северо-восточные и альпийские районы наряду с парижскими пригородами и средиземноморским побережьем, включая Ниццу). Кстати, тенденция, когда экономически более успешный периферийный регион склоняется к голосованию правого типа, отличает островные территории Испании (не только Балеарские, но и в большей степени Канарские острова, где в свое время с большим почтением относились к Франко) и отчасти Португалии (Мадейра)³⁴. Похожая ситуация складывается в Италии, где консервативный тип голосования тоже характерен для части периферий. Причем это как северные (более богатые), так и южные (традиционно бедные) области страны, в отличие от «красного пояса» в центре.

³⁴ Для Канарских островов характерны минимальные показатели голосования за социалистов. Мадейра является одним из самых благоприятных регионов для португальских социал-демократов (но не социалистов!). На парламентских выборах 1999 г. именно на Мадейре социал-демократы получили свой наилучший результат.

³⁵ В Сконе с ее особой историей (бывшая территория Дании) находится главный религиозный центр Швеции Лунд.

Что касается северных европейских стран, то в условиях отмеченной выше географической инверсии, голосование за консерваторов бывает там характерно и для некоторых периферий, что позволяет выявить следы австрийской модели. Так, в Швеции Умеренная коалиционная партия выступает лучше, чем по стране в целом в юго-западных районах Сконе³⁵ и Халланд. Менее крупная Христианско-демократическая партия добилась в 2002 г. явного успеха только в Йенчепинге – районе в самом центре Южной Швеции (более 20% голосов при 9,1% по стране в целом). В Норвегии еще более развит феномен консервативной южной и юго-западной периферии. Эти районы благоприятны как для партии Хейре, так и для Христианской народной партии (которая относительно популярна только на юго-западе). Например, ХНП хорошо выступает в двух южных регионах – Вест-Агдер (Кристиансанн) и Эуст-Агдер, где она набрала более 25% и более 20% голосов соответственно. В обоих районах свыше 20% голосов получила и Хейре. Популярность этих двух партий коррелирует и в Ругаланне (нефтяной Ставангер). Также Хейре хорошо котируется в расположенном в той же части страны традиционалистском историческом центре Норвегии Бергене (точнее – в районе Хураланн, где она получила более 20% голосов). Что касается ХНП, то в области юго-западных фьордов она неплохо выступила в Мере-ог-Ромсдал (почти 20%). Нечто подобное отмечается и в чересполосной Финляндии: Национальная коалиционная партия получила более 20% голосов на выборах 2003 г. как в Хельсинки, так и в северной провинции Оулу, а также в центральной Кески-Суоми.

Как показывает наш анализ, голосование окраин за правые партии не является единственным сценарием. Ситуацию могут изменить факторы, относящиеся к геокультурному и социогеографическому измерению. В этой связи может наблюдаться голосование левого типа в более бедных и экономически зависимых регионах, где востребован государственный патернализм. Соответственно и левые партии приспособливают свои программы под требования своих регионов. Данная ситуация характерна для гетерогенных стран, где бедные регионы одновременно отличаются и геокультурными характеристиками.

Классической здесь следует признать *иберийскую модель*, распространенную в Испании и Португалии. Как говорилось выше, северные и скорее внутренние районы этих стран отличаются «обычным» региональным консерватизмом «австрийского» типа, особенно в наиболее чистом случае с Испанией (Народная партия)³⁶. В то же время в условиях внутривнутриэкономических социальных и геокультурных контрастов, и как реакция на них бедный Юг превращается в оплот социалистов. Другими словами, социогеографический раскол в сочетании с геокультурным расколом оказывается более сильным фактором, чем обычный раскол «центр – периферия», и периферия начинает раздваиваться.

³⁶ В Португалии Народная партия слаба и в правую нишу сместились социал-демократы.

ваться на социально более стабильную северную и наименее благополучную южную. Закономерно, что речь идет о крайних по европейским меркам случаях, т. е. о наиболее бедных регионах всей Европы. Поэтому на самом краю европейской периферии появляется голосование левого типа, в других странах более привычное для индустриальных центров и столиц.

В Испании голосованием за Испанскую социалистическую рабочую партию ярко выделяются Эстремадура (наиболее бедная область внутри страны на границе с Португалией) и Андалусия. В этих двух областях ИСРП получила около 45% в 2000 г. (по стране в целом 34,2%) и более 45% в более успешном 1996 г. (по стране 37,6%). Кроме того, Андалусия входит в список регионов, относительно благоприятных для коммунистов³⁷. Переходной между Югом и центральными районами оказывается Кастилия-Ла-Манча (южная половина Кастилии). Черты переходности с неплохими результатами как народников, так и социалистов отмечаются и на побережье – в Валенсии и Мурсии (но не на выигравших от туризма и более правых Балеарских островах).

В Португалии роль бедного левого Юга играют аграрные регионы Алентежу, Эштремадуры (продолжение одноименного испанского региона) и в меньшей степени более благополучного туристического Алгарве на южной окраине страны. На выборах 1999 г. социалисты получили более 50% голосов в португальской Эштремадуре – районах Каштелу-Бранку и Порталегри. Более 45% досталось им в близлежащем Сантарене, районах Алентежу (Бежа и Эвора) и в Фару (Алгарве). Кандидат социалистов Ж.Сампайю на президентских выборах 2001 г. получил в районах Бежа, Эвора и Порталегри более 60% голосов.

Для полноты картины следует добавить, что в примерно тех же районах Португалии популярны и коммунисты (как на Севере Португалии социал-демократов дополняют более правые народники). Именно для Португалии характерен наиболее жесткий раскол консервативной северной и социалистической южной периферий с четким, практически прерывающим барьером (тогда как в крупной Испании отмечается феномен переходных зон). Набрав по стране в целом 9% голосов, Коалиция демократического единства во главе с коммунистами получила в Беже 28,3% голосов, около 25% в Эворе и еще одном районе Алентежу – Сетубале³⁸. На уровне 10–15% радикальные левые выступили в таких оплотах социалистов, как Сантарен и Порталегри. Примерно то же, но с меньшими процентными показателями было характерно для кандидата коммунистов А.Абреу на президентских выборах 2001 г. Роль бедного Юга в Португалии играют и Азорские острова, также входящие в число наиболее бедных регионов Европы. Азорцы голосуют за социалистов на уровне Алентежу и Эштремадуры. При этом в Португалии возникает любопытный раскол между Азора-

³⁷ Объединенные левые получили в Андалусии более 7% в 2000 г. и более 13% на успешных для левых выборах 1996 г.

³⁸ Сетубал интересен тем, что он сочетает черты южного аграрного региона Алентежу и промышленного пригорода Лиссабона. Это создает резонанс в виде голосования и за социалистов, и за коммунистов.

ми и другим островным регионам – Мадейрой, которая отличается большим благополучием, в частности явно выиграв от туризма. Как результат, Мадейра стала оплотом социал-демократов и напоминает испанские Канарские острова, где влияние социалистов тоже находится на низком уровне.

Аналогичная ситуация характерна для Греции, которая во многом следует иберийской модели. В Греции, как и в Испании с Португалией, произошло очевидное смещение правого и левого типов периферийного голосования (при небольшой амплитуде межрегиональных различий), но еще и с заметной чересполосицей. Консерватизм явно возобладал в северной Греции. На парламентских выборах 2000 г. партия «Новая демократия» набрала более 50% голосов в северных нотах Кастория, Драма, Флорина, Сера и Халкидики. Примерно те же территории были для нее благоприятными и прежде, что объясняется причинами культурно-исторического характера. Голосование по иберийскому сценарию «бедного Юга» в греческом случае наиболее характерно для островов. Главным региональным оплотом социалистической партии ПАСОК является южный остров Крит³⁹. Во всех критских нотах ПАСОК набрала в 2000 г. 50–60% голосов. На том же уровне поддержки ПАСОК находится Додеканес (юго-восточные острова во главе с Родосом). В чуть меньшей степени левая ориентация характерна для островов Хиос и Эвбея. Другие греческие острова слабее голосуют за ПАСОК, но зато отличаются довольно высокой поддержкой коммунистов. Свой наилучший результат КПГ получила на острове Самос (14,1%), более 10% коммунисты взяли на острове Лесбос. На уровне 9–10% коммунисты выступили на южных островах ионической группы (Лефкас, Кефалиния, Закинф). Таким образом, почти все греческие острова отличаются левым уклоном⁴⁰.

Что касается континентальной Греции в центральных горных районах (горный массив Пинд) и на Пелопоннесе, то здесь наблюдается чересполосица голосования за ПАСОК и «Новую демократию» при довольно близких показателях двух ведущих партий⁴¹. Основная часть греческой территории является переходной зоной между консервативным Севером и бедными островными и южными зонами. На Пелопоннесе северо-западные ноты Ахея (где находится крупный промышленный центр Патры) и Элида больше тяготеют к ПАСОК, тогда как юго-восточная Лакония (Спарта) является оплотом консерваторов на уровне не ниже северных нотов⁴². Несколько ближе к правым южная Мессиния и восточная Арголида, а электорат центральной Аркадии и северо-восточной Коринфии расколот примерно пополам. Пинд тоже отличается чересполосицей, но он ближе к консервативному Северу, и усиленное голосование за «Новую демократию» встречается здесь чаще. Скорее левыми могут считаться Теспротия, Гревена, Этолия и Акарнания, в то время как большее число нотов – Арта, Кардица, Превеза, Фокида, Фтиотида чуть благопри-

³⁹ Этот остров, конечно, выиграл от туризма, как и португальская Алгарве. Однако традиционное влияние социалистов и на Крите, и в Алгарве продолжает оставаться высоким, и эти районы нельзя отнести к случаям «благополучного побережья» с хорошими показателями правых. Традиционная аграрная культура пока продолжает преобладать в этих регионах.

⁴⁰ Исключения связаны с более благополучными и старыми туристическими центрами – Кикладами в Эгейском море (невдалеке от Афин в отличие от остальных островов) и Керкирой (Корфу) в Ионическом.

⁴¹ Даже на Севере Греции есть один нота, стабильно предпочитающий ПАСОК, – Родос.

⁴² Например, на выборах 1996 г., когда «Новая демократия» получила в Греции 38,1% голосов, результат более 50% был получен только в Лаконии.

ятнее для правых. Электоральная ориентация наиболее крупных номов в этой части страны, таких как Янина (исторический центр Эпира) и Трикала вообще плохо выражена.

В других южно-европейских странах феномен бедного Юга, консолидированно голосующего за социалистов, распространен в меньшей степени, и анализировать его нужно с большими оговорками. В Италии этот феномен вообще практически отсутствует, и Юг, особенно в последнее время, плотно оккупирован различными правыми силами, прежде всего – движением «Вперед, Италия!». Хотя южные области Италии тоже считаются довольно бедными по европейским меркам, правые добились здесь большого успеха, адаптировав свои программы и сделав их популистскими (пример С. Берлускони). Это значит, что правый популизм может заменить в бедных южных регионах левую ориентацию, равно как и правый радикализм (традиционные успехи Национального альянса на Юге Италии). Некоторым исключением на Юге является небольшая область Базиликата, выделяющаяся существенно большей поддержкой левых демократов, чем окружающие регионы. Это было особенно заметно на выборах 1996 г., а в 2000 г. Базиликата стала одним из самых благоприятных регионов для блока «Ромашка» (получил здесь более 18% голосов), входившего в большую левоцентристскую коалицию, пытавшуюся противостоять блоку С. Берлускони.

Что касается Франции, которую можно с оговорками рассматривать и в южно-европейском, романо-средиземноморском контексте, то здесь иберийская модель выражена достаточно плохо. Феномен просоциалистического Юга отмечается на юго-западе Франции, как раз вблизи испанской границы (за которой, впрочем, начинаются скорее консервативные области Испании, но в каждой стране своя система центров и периферий и свои центры координат)⁴³. Связан этот феномен не только с особой бедностью регионов. В большей степени здесь работают геокультурные причины, ведущие к поляризации по линии Северо-Восток – Юго-Запад (юго-запад Франции всегда играл особую роль в ее истории⁴⁴). Также не будем забывать, что главным центром поддержки социалистов является Тулуза, один из самых крупных промышленных центров Франции, причем центров современной аэрокосмической индустрии. Голосование за социалистов здесь предопределяет и наличие технической интеллигенции как одной из ведущих референтных групп. Заметим, что и ближе к центру Франции повышенной популярностью социалистов и вообще левых отличаются как раз крупные промышленные центры – Клермон-Ферран, Лимож, Монлюсон. Интересен в этой связи и пример департамента Изер (Гренобль) на юго-востоке. Как уже сказано, французский юго-восток отличается консерватизмом (и Лион с Марселем не меняют принципиально эту ситуацию), но развитие Гренобля в качестве важнейшего инновационного центра высоких технологий привело к

⁴³ Лучшие всего за социалистов голосуют департаменты Аквитании, Тулуза как главный «левый» центр, к востоку – Каркасон и т. п.

⁴⁴ В средние века в этой части страны развивалось альтернативное религиозное движение альбигойцев. Потом именно здесь пустились корни гугеноты и т. п.

его сдвигу влево и превращению в «красный остров» в консервативном «альпийском поясе».

На противоположном краю Европы отмечается перевернутая ситуация, когда в положении менее благополучных периферийных территорий, позитивно реагирующих на левый патернализм, оказывается Север. Свою роль здесь сыграло и продолжительное правление социал-демократов, которое привело к смещению их поддержки на окраины (своеобразная форма «консерватизма наоборот»). Наиболее интересен пример Швеции, где социал-демократы имеют наиболее крепкие позиции как раз на северных окраинах. Более 45% на выборах 2002 г. они получили в трех самых северных регионах страны – Норрботтен, Вестерботтен и Вестерноррланд. Примерно там же неплохо выступила Левая партия (ее максимальный результат был получен в самом северном Норрботтене – более 10%⁴⁵). Позиции правых в лице УКП оказались здесь самыми слабыми. Отчасти эта ситуация характерна и для Норвегии. Крайний северный регион Финнмарк голосует за Норвежскую рабочую партию лучше, чем страна в целом, и при этом одновременно отличается наилучшими результатами более радикальной Социалистической левой партии. В развитие этой тенденции в Финляндии Лапландия (Лаппи), вообще не отличаясь высокими показателями социал-демократов, является главной базой более радикального Левого союза Финляндии, который получил здесь на выборах 2003 г. более 25% голосов (при 9,9% по стране в целом). Итак, спецификой Северной Европы оказывается наличие «левого Севера», являющегося своеобразной проекцией «бедного Юга» в странах Южной Европы.

Более того, данная тенденция обнаруживается и в Северной Америке. В северной канадской провинции Юкон на выборах 2000 г. отличилась Новая демократическая партия, относящаяся к социал-демократам. Она набрала здесь более 30% голосов, лишь немного отстав от доминирующей Либеральной партии. Соседние Северо-Западные территории отдали либералам более 45% голосов, но Новая демократическая партия и там выступила неплохо, набрав 26,7%. Лишь созданная недавно эскимосская автономия Нунавут консолидированно голосовала за либералов (максимальный показатель – 68,5%), что следует связать с действиями либерального правительства, направленными на создание и поддержку автономии. Кстати, в этом Нунавут напоминает северные районы Швеции, которые поддерживают социал-демократов в том числе в знак благодарности за правительственную помощь. В качестве обратного примера следует все же указать на Аляску, которая относится к числу относительно консервативных штатов США.

В то же время не следует считать, что голосование за левых является в северных европейских странах прерогативой северных окраин. В Швеции сами эти окраины хорошо выражены, и потому тенденция

⁴⁵ В Норрботтене дополнительно работает «британский» эффект старо-промышленной зоны, поскольку здесь расположен крупный старый центр добычи железной руды – Кируна.

развивается ярче. В вытянувшейся вдоль моря Норвегии это не так, и Финнмарк выглядит особым примером. Так, в следующей с севера на юг провинции Тромсе показатели НРП были ниже средних по стране (но далее, правда, при движении к югу опять выросли в провинции Нурлани и еще больше в следующей провинции Нур-Тренделаг). В норвежском случае НРП успешнее выступает как в северных районах (Финнмарк, Нурлани, Нур-Тренделаг), так и в горных районах на юге страны (своего рода «внутренний Север»). К числу наиболее благоприятных для НРП провинций на выборах 2001 г. относились как раз внутренние горные провинции Оппланд и Хедмарк, где партия набрала более 35% голосов.

Феномен «левого Севера» в Германии и Нидерландах является иным случаем, поскольку определяется скорее геокультурными и отчасти социогеографическими расколами, характерными для этих стран.

Случай голосующей за левых «холодной окраины» полезно рассмотреть и на другом конце планеты, а именно в Австралии. Здесь голосованием за лейбористов отличается как раз самая южная периферия в лице Тасмании. Только в Тасмании и столичной Канберре лейбористы получили на выборах 2001 г. более 45% голосов, а в 1998 г. вообще около 50%. Тасмания, Юкон и северные провинции Швеции оказываются двумя холодными краями обитаемой планеты, где голосование за социал-демократов становится распространенным явлением⁴⁶.

Отдельно следует рассмотреть феномен периферийного голосования в северных европейских странах, где в силу исторических причин оказались развиты специализированные партии, ориентированные на сугубо сельскую периферию. Эти партии можно условно считать географическими антиподами столичных либеральных партий. В Финляндии партия «Финляндский центр» даже вышла на первое место, что привело к изрядной географической чересполосице в голосовании за нее и за классические правые и левые партии. В таких провинциях, как Лаппи⁴⁷ на севере, Миккели и Хяме на юге эта партия получила на выборах 2003 г. более 40% голосов. На уровне около 35% и выше она выступила в провинциях Вааса, Куопио, Пирканмаа и Похйойс-Карьяла. В меньшей степени, но голосование периферии за аграрную партию выражено и в Исландии. Здесь ведущие правая и левая партии делят Рейкьявик с окрестностями, а на остальной территории хорошо выступает Прогрессивная партия. На выборах 2003 г. она получила более 30% голосов на северо-востоке страны, т. е. в самом дальнем углу. Локальное влияние аналогичных, но более слабых партий прослеживается в Швеции и Норвегии. В Швеции Партия центра смогла получить более 15% голосов на выборах 2002 г. в горной провинции Емтланд и на острове Готланд. В Норвегии выделились горный Оппланд, удаленная провинция в краю фьордов Согн-ог-

⁴⁶ Австралия при этом интересна тем, что в ней лейбористы неплохо выступают не только на «холодной периферии» (Тасмания), но и на жаркой периферии (Северная территория), являющейся неким дальним родственником европейского «бедного Юга».

⁴⁷ Где также популярен Левый Союз Финляндии.

Фьюране и расположенный севернее Тронхейма Нур-Тренделаг (он же благоприятный для НРП).

* * *

Подводя итоги анализа геоэлекторальных моделей типа «центр-периферия», подчеркнем главные из них.

1. Американская модель развивается в условиях жесткой двухпартийной системы. В соответствии с ней консервативная периферия предпочитает голосование за правую Республиканскую партию, в то время как инновационные центры голосуют за Демократическую партию.

Производными от американской модели являются бельгийская и австрийская, характерные для стран с более сложными партийными системами. Бельгийская модель предполагает практически везде повышенные показатели (и иногда относительное доминирование) либеральных партий в инновационных центрах. Австрийская модель означает доминирование в инновационных центрах левых партий (обычно адаптированных к столичной культуре и не имеющих конкурента в лице сильной либеральной партии) и, как и в США, выбор периферии в пользу консервативной партии.

2. Для столичной политической культуры более распространенной является не австрийская, а парижская модель. В соответствии с нею столичная агломерация отличается смешанной электоральной культурой, сочетанием левого и радикально-левого, либерального и правого типов голосований с добавлением зеленых. При этом внутри агломерации происходит сегрегация районов в зависимости от их социальной структуры.

Крайним случаем развития парижской модели является скандинавская модель голосования инновационных центров, почти противоположная австрийской. Здесь смешанная электоральная культура характеризуется повышенными показателями голосования за правые партии при смещении поддержки левых на периферию (Швеция и Норвегия, отчасти Финляндия и Исландия).

Развитие в столице черт смешанной электоральной культуры приводит к некоторому смещению наиболее выраженной поддержки левых в классические регионы их поддержки – старопромышленные, связанные с первыми этапами индустриализации. Поэтому можно говорить о британской модели преимущественной поддержки левых в старопромышленных и портовых районах (примеры в Германии, Бельгии, Люксембурге, Испании, отчасти Франции). Левый тип голосования вообще свойственен индустриальной культуре, тогда как постиндустриальные инновационные центры все чаще отличаются смешанной электоральной культурой (не исключаящей, однако, ни социал-демократов, ни левых радикалов).

3. Голосование периферии за консерваторов является наиболее распространенным типом, соответствующим в той или иной степени всем указанным выше географическим моделям, кроме скандинавской. Однако более глубокие социогеографические и/или геокультурные расколы ведут к раздвоению периферии на более стабильную и религиозную правую, с одной стороны, и бедную и социально менее устойчивую левую, с другой. В этой связи можно говорить об иберийской модели (Испания, Португалия, отчасти Греция), которая в географически перевернутом виде проявляется и в северных странах (Швеция, Норвегия, Финляндия, отчасти Канада).

Литература

1. *Аксенов К.Э., Капралов Е.Г.* География голосования в городах США: опыт микрополитико-географического анализа // Политическая география и современность: региональные и прикладные аспекты. – СПб., 1991.
2. *Визгалов Д.В.* Новейшие тенденции в географии парламентских выборов в Великобритании в 1992–1997 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2000. № 2. – С. 35–42.
3. *Грицай О., Иоффе Г., Трейвиш А.* Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991.
4. *Колосов В.А., Туровский Р.Ф.* Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция // Полис. 1996. № 4. – С. 33–46.
5. *Лаврухин В.В.* Электоральная география Франции. (Дисс. ... канд. географ. наук). – Л., 1985.
6. *Туровский Р.Ф.* Региональные особенности российских выборов // Второй электоральный цикл в России, 1999–2000. – М.: Весь Мир, 2002.
7. *Agnew J.* Place and Politics. The Geographical Mediation of State and Society. Boston, Allen & Unwin, 1987.
8. *Friedmann J.* Regional development policy. Boston, MIT, 1966.
9. *Gudgin G., Taylor P.* Seats, Votes and the Spatial Organisation of Elections. – London, Pion, 1979.
10. *Hägerstrand T.* The Propagation of Innovation Waves // Readings in Cultural Geography. Ed. by Wagner P.L. and Mikesell M.W. Chicago and London, 1962.
11. *Hägerstrand T.* Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago, 1967.
12. *Morrill R.L.* Political Redistricting and Geographic Theory. Washington, D.C., Resource Publications in Geography, Association of American Geographers, 1981.
13. *Rokkan S.* Citizens, Elections, Parties. New York, McKay, 1970.
14. *Rokkan S.* Dimensions of state formation and nation building: a possible paradigm for research on variations within Europe // The Formation of Nation States in Western Europe. Ed. by C. Tilly. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1975.

15. *Rokkan S.* Territories, centres, and peripheries: toward a geoethnic-geoeconomic-geopolitical model of differentiation within Western Europe // Centre and Periphery. Ed. by Jean Gottmann. Beverly Hills and London, Sage, 1980, p. 163–204.
16. *Siegfried A.* Tableau Politique de la France de l'Ouest. Paris, Colin, 1913.
17. *Taylor P.J., Johnston R.J.* Geography of Elections. London, Penguin, 1979.
18. *Taylor P.J.* Political geography. World-economy, nation-state and locality. London, Longman, 1989.
19. *Tingsten H.* Political behavior: studies in election statistics. Totowa, N.J., Bedminster Press, 1963.
20. *Wallerstein I.* Geopolitics and geoculture: essays on the changing world-system. Cambridge, Cambridge University Press, 1991.